

А. П. Клемешев

РЕГИОН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Понятие региона. Для установления научной парадигмы региональных исследований большое значение имеет дефиниция ключевого понятия “регион”. Но подходы к определению этого понятия различаются кардинальным образом. Регион определяется в зависимости от конкретных целей представителей многих наук, изучающих этот феномен. Неодинаковы и критерии выделения регионов. Принципиально различаются регионы, выделяемые на основе признаков гомогенности (однородности), с одной стороны, и когерентности (внутреннего единства, системности) — с другой.

В отечественной литературе на основе однородности выделяют *зоны (зонирование)*, на основе комплексности — *комплексы*, на основе сочетания этих двух признаков — *районы*¹. Все эти три понятия подпадают под определение *региона*.

С точки зрения западных экономистов, важный атрибут региона — осознание общественных региональных интересов. При этом существенным фактором является взаимосвязь между экономическим опытом территорий, входящих в состав региона, и группами, выражающими те или иные интересы. Регион рассматривается как некая единица, которая определенным образом реагирует на изменяющиеся условия, воздействующие на экономический рост и благосостояние².

В документах Евросоюза упоминаются культурные, экономические, социальные, административные регионы³. Но чаще всего под регионом понимается административный регион, т. е. область, объединенная по управленческому принципу и обладающая едиными полномочиями. Многие российские ученые также рассматривают регион как субъект Российской Федерации. Так, В. Г. Игнатов и В. И. Бутов дают следующую трактовку понятия: “Регион — территория в административных границах Российской Федерации, характеризующаяся следующими основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т. е. наличием политико-административных органов управления”⁴. В конце концов, оказывается, что регион — это просто субъект Российской Федерации.

Кроме этого, термин *регион* используется для обозначения территории, охватывающей несколько государств или административно-территориальных единиц соседних государств. Это *интер-*

или *мультинациональный* регион, например, регион Балтийского моря (Baltic Sea Region)⁵.

Регионы ЕС, обладающие значительными правами и финансовыми ресурсами, объединяются с регионами соседних стран в так называемые *еврорегионы*, которые могут образовывать подпространства внутри экономического пространства ЕС.

Итак, можно согласиться с тем, что “иерархию регионов определяет только научная проблема... Регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся”⁶. Но исследователь, принимая в качестве исходной собственную трактовку этого понятия, должен быть знаком с его различными определениями. Иначе могут возникнуть недоразумения, вызванные отличиями используемого терминологического аппарата от понятий, применяемых другими научными школами.

Можно выделить два главных вопроса, на которые при разном понимании региона даются принципиально различные ответы. Во-первых, существуют ли регионы объективно, или это только методологический прием в интересах конкретного исследования? Во-вторых, является ли первичным, регионообразующим фактором территория или она выступает как своего рода фон (пространство), на котором в ходе взаимодействия экономических, социальных, политических и иных факторов формируется регион?

В отечественной географической литературе под регионом долгое время понимался определенный таксономический уровень *районов* — макроуровень: как о регионе речь могла идти о европейской части страны, Сибири, Дальнем Востоке. Основополагающим считался термин “район”, с которым и ассоциировалось употреблявшееся в зарубежной литературе понятие “region”. Поскольку в таких науках, как экономика, политология, социология региональные направления были неразвиты, они обходились без понятия “регион”. И лишь в 1970-е гг., с возникновением сначала региональной экономики, а затем и региональных направлений в других общественных науках, в отечественную научную практику стало проникать это понятие, пришедшее затем в новом смысле и в экономгеографию.

Советские исследователи, в силу монополизации понятия “район” для целей планирования, вынуждены были довольствоваться его жестким определением как наиболее комплексной социально-экономической общности, при всех модификациях восходящим к Н. Н. Баранскому⁷.

Более широким является подход к регионам Ю. Н. Гладкого и А. И. Чистобаева как к разнообразным относительно целостным

территориальным образованиям, а к регионоведению как синтезу научных знаний о регионах. То есть, речь идет об изучении структуры различных пространств (географического, экономического и т. д.) с помощью регионального анализа⁸.

Развитие *регионализма* в ЕС, усиление внимания к местному самоуправлению и поддержке регионов в рамках общеевропейской политики привели к появлению на Западе такого понимания термина *регион*, которое *по форме* приближается к характерному для российской региональной науки. Регион все чаще рассматривается как всеобъемлющий *территориальный* комплекс, субъект и объект управления⁹.

Подчеркивая роль понятия “регион” в управлении, некоторые исследователи даже происхождения термина “регион” начинают объяснять не только в традиционном ключе, от латинского *regio* (направление, граница), но и от *regere* (вести, направлять, управлять). Тем самым подчеркивается, что семантика данного понятия имеет две взаимосвязанные составляющие: основную — пространственную, и метафорическую, подразумевающую чувство власти¹⁰.

Анализ основных положений теории экономического районирования Н. Н. Баранского, выполненный Э. Брюна¹¹, показывает, что различия советского и западного подхода заключаются скорее в характере выполняемых исследователями задач, вытекающих из принципиальных различий экономики, с одной стороны — административно-командной, с другой — рыночной. А “объективно существующий природно-социально-хозяйственный комплекс — район”, использовавшийся советской наукой для конкретных целей административно-командного управления территорией, есть частный случай всего многообразия регионов. Поэтому, на наш взгляд, не в соотношении объективного и субъективного кроются главные различия в подходах к понятию “регион”.

И “объективно существующий” район выделяется исследователем, т. е. имеет субъективный характер. И, в свою очередь, “субъективно выделяемый” регион является отражением реально существующих социально-экономических особенностей территории.

Принципиальные различия заключаются в разных подходах к определению соотношения понятий “регион” и “территория”. Эти различия сформировались исторически и обусловлены особенностями процессов регионообразования в западной Европе и России. Как отмечает И. Бусыгина, “оформившиеся еще в средние века территориальные сообщества (региональные и местные) не только не растворились в нации-государстве, но сохранились и ныне выходят из его тени”¹². Отражением этого процесса является получившее распространение понятие “Европа регионов”.

А. Маркузен определяет регион как синтетическое понятие, “исторически эволюционирующее компактное территориальное общество, которое содержит в себе физическое содержание, социально-экономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от других регионов и территориальных единиц, таких как город или нация”¹³.

При таком подходе именно региональные идентичности рассматриваются как своеобразный ключ к конструированию региона как политического, социального и институционального пространства¹⁴. Территория выступает условием, но не причиной формирования региона.

Можно назвать и концепции, в которых роль территории в развитии социальных связей недооценивается и даже игнорируется. Так, по мнению Э. Дюркгейма, “народ тем дальше продвинулся вперед, чем более поверхностный характер в нем имеют территориальные разделения”¹⁵. Однако сейчас преобладает иная точка зрения. Это объясняется дальнейшей поляризацией экономического и социального пространства, подтверждаемой эмпирически, с одной стороны, и усилением региональной политики на государственном и межгосударственном (Европейский Союз) уровне — с другой. Речь идет о рассмотрении региона как определенного единства, обусловленного его структурой, внутренними связями.

С позиций социальных связей, в качестве существенного связующего звена между людьми и регионом рассматривается *чувство места*. На основе сочетания физических и социальных характеристик региона, его истории формируются психологические узы, определяющие *идентичность* населения конкретной территории. Концепция чувства места предполагает, что люди, населяющие регион, пережили определенный коллективный опыт, на основе которого формируются общие устремления, интересы, цели и ценности. Со временем такой опыт трансформируется в некое общественное единение людей, живущих в пределах данной единицы пространства¹⁶. На основе данного подхода формируется трактовка региона Ф. Броделя, которую А. Макарычев назвал философской: регион является аналогом особого “мира” с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением¹⁷.

Регионализм и регионализация. Соответственно различному пониманию региона, по-разному трактуется и регионализм: “Есть важное различие между регионализмом как политическим курсом или совокупностью политических курсов, регионализмом как идеологией государственного вмешательства, и регионализмом

как организационной основой для защиты периферийных территорий”¹⁸.

Во-первых, регионализм — это естественный, органический принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ, “факт существования в стране районов со значительными природными, хозяйственными, социальными и этнокультурными различиями”¹⁹.

Регионализм нацелен на практическое использование тех возможностей, которые вытекают из естественного территориального деления современных обществ, а значит, — создает условия для рационального распределения компетенции власти и производственных ресурсов среди различных групп населения.

Регионализм в глобальной экономике — это, прежде всего, дифференцированное размещение различных типов труда, а именно: высокопроизводительного информационного труда; высокоэкономичного низкооплачиваемого труда; сырьевого труда и обесцененного труда. Поэтому можно сказать, что регионализм внутренне присущ всем типам современных обществ, независимо от их размеров, уровня развития, особенностей политических структур и т. д.²⁰ Согласно М. Кастельсу, “критически важная проблема состоит в том, что наличие этих разных типов труда не совпадает с делением по странам”²¹. Поэтому *глобальная экономика является все более регионализированной*.

Регионализм в политике — это проблема распределения властных полномочий между общегосударственным и региональным уровнями управления. С точки зрения А. Макарычева, важность регионализма особенно остро чувствуется и в теории, и на практике теми странами, которые пытаются создать сбалансированные федеративные отношения и обеспечить демократизм в условиях децентрализации властных полномочий²².

Регионализм в данном контексте может выражаться двояко. С одной стороны, это отстаивание интересов региона в его отношениях с вышестоящими органами управления, чаще всего — с государством. Такого рода регионализм определяется общей идентичностью, культурой, историей, географией. С другой стороны, часто имеет место целенаправленная и активная деятельность государства и наднациональных институтов (СНГ, ЕС и т. д.) по регулированию регионального развития. Такого рода регионализм отражает государственные (или надгосударственные) интересы на конкретной территории.

Во-вторых, регионализм может рассматриваться как общее наи-

менование различных концепций и стратегий, направленных на рациональное использование пространственных различий, существующих внутри государств, и повышение роли региона в территориальном разделении труда, либо на компенсацию неблагоприятных условий его жизнедеятельности. То есть, в таком понимании регионализм трактуется “как подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона”²³.

Усиление регионализма, *регионализация*, может быть активной и пассивной²⁴. Первая из них — целенаправленная деятельность по формированию региональных политических институтов. Вторая представляет собой процесс формирования региональной идентичности под воздействием общей географии, истории, культуры региона. С течением времени, при определенных условиях (ослабление связей с Центром, экономический и социальный кризис, межэтнические противоречия и др.), пассивная регионализация может перерасти в активную (это происходило, например, в Российской Федерации в первой половине 1990-х гг.).

Регионализация имеет существенный конфликтогенный потенциал, поскольку она сама порождена противоречиями между Центром и регионами. Активная регионализация нередко находит свое выражение в сепаратизме. Таким образом, регионализация может вызывать определенные опасения на общегосударственном уровне управления (что можно видеть в современной российской практике, имея в виду попытку упрочения “вертикали власти”). Однако без достаточной степени регионализации эффективно управлять территорией невозможно. Таким образом, ключевым становится вопрос распределения функций и полномочий между различными территориальными уровнями управления.

Регионализация и глобализация. Глобализация, по Р. Робертсону, есть процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена и т. п.²⁵ В последних публикациях американских ученых также обращается внимание, прежде всего, на интенсификацию многообразных связей в масштабах всего мира: по их мнению, глобализация — “это расширение, углубление и ускорение общемировых связей”²⁶.

Голландские исследователи отмечают, что глобализация — абстрактный процесс снижения значимости географических расстояний из-за высокой интенсивности экономических, политических и социо-культурных взаимодействий²⁷. Таким образом подчеркивается

важная характеристика процесса глобализации — интенсивность взаимодействий (*interactions intensity*).

Результатом глобализации выступает *глобальное пространство*. Его объекты подчиняются действию единых законов, но при этом не являются одинаковыми, имеют разную динамику и расположение в пространстве.

Экономическая глобализация — тенденция к образованию всемирной инвестиционной среды и интеграция национальных рынков капиталов²⁸. Иначе говоря, это совокупность процессов пространственного слияния рынков капиталов, товаров, услуг и финансовых инструментов, которые ускоряются под воздействием конкуренции на уровне инновационных технологий. “В практическом плане глобализация означает, прежде всего, уменьшение барьеров между различными экономиками, что способствует торговому взаимодействию”²⁹.

“Глобальная экономика представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики. Согласно Фернану Броделю и Иммануэлю Уоллерстайну, под мировой экономикой понимается такая система, где процесс накопления капитала происходит по всему миру, и она существует на Западе по крайней мере с XVI в. *Глобальная экономика представляет собой нечто другое: это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты*”³⁰.

Глобальная экономика не означает однородности мирового экономического пространства. Информационные технологии, явившиеся необходимым условием глобализации, подвержены *поляризации* в еще более очевидной форме, чем даже материальное производство³¹. Причем именно промышленные районы часто являются основой для узлового развития инфраструктуры новой информационной экономики³², так что степень прежней поляризации стран и районов усиливается.

Природа процессов развития неодинакова в разных пространствах уже потому, что в них действуют разные законы. Рыночные, смешанные, плановые и переходные экономические системы, а также развитые, развивающиеся и менее развитые страны представляют собой *разные* экономические пространства³³.

Неоднородность экономических пространств определяет то, что “архитектура глобальной экономики отображает асимметрично взаимозависимый мир, организованный вокруг трех главных экономических регионов и все более поляризующийся по оси противостояния между продуктивными, процветающими, богатыми ин-

формацией областями и областями обездоленными, экономически и социально обесцененными»³⁴.

Относительную однородность мирового экономического пространства задают наиболее мощные в экономическом отношении *государства*, инициировавшие создание ВТО и определяющие ее правила, использующие в мировом масштабе преимущества своей валюты. Многие государства объединяют свои рынки в единое экономическое пространство, образуя региональные экономические блоки, и ЕС уже создал собственную валюту, конкурирующую с долларом. С другой стороны, одной из важнейших составляющих понятия *суверенитет* государства были и пока остаются государственные границы, которые служат серьезным *барьером* для материализованных потоков. Так что роль государства в экономической глобализации неоспорима.

Но среди экспертов нет единства в ответе на вопрос: кто является главным агентом экономической глобализации: государство или транснациональные корпорации? Многие исследователи, особенно из развивающихся стран, склонны противопоставлять деятельность национальных государств и транснациональных корпораций. Такая точка зрения кажется правильной, если рассматривать не особенности формирования мирового *экономического пространства*, а интенсивность *связей*, его объединяющих.

Поскольку экономические, финансовые, коммуникационные *связи* между различными частями мира устанавливают ТНК, то логично предположить, что именно они являются главными агентами экономической глобализации. К сожалению, достаточно четко проследить все механизмы деятельности ТНК невозможно, так как теория ТНК находится в самом зачаточном состоянии³⁵.

Экономическая глобализация в процессе развития во все большей мере приобретает следующие основные черты:

1. Формирование мирового экономического пространства, все более подчиняющегося общим правилам (закрепленным участием государств в международных организациях, включающих большинство стран мира).

2. Повышение роли *связей* внутри экономического пространства, находящее отражение в изменении акцентов системного подхода при экономическом анализе: изучение *формирования сетей* в противовес прежнему доминированию исследований *комплексов* (ядер).

3. Активная роль в процессах глобализации ведущих в экономическом отношении стран.

4. Возрастание роли ТНК, которые становятся важнейшими агентами (проводниками) глобализации.

5. Качественные изменения в скорости и объемах коммуникаций (вещественных и информационных).

6. Быстрый рост объемов мировой торговли, изменение ее структуры в пользу наукоемких товаров и услуг.

7. Активная интеграция финансовых рынков.

8. Появление и расширение сферы деятельности всемирного права.

9. Все более важная политическая роль международных институтов, в том числе ТНК; ограничение реальной власти национальных правительств в решении экономических вопросов.

10. Воздействие *экономической* глобализации на социум: культуру, мораль, жизненные ценности населения.

11. Фрагментация глобального пространства вследствие неодинаковой интенсивности участия отдельных его подпространств в мирохозяйственных взаимодействиях.

Регионализация экономической деятельности вследствие ее дальнейшей поляризации.

Этот последний (по порядку, но не по значению) пункт, касающийся регионализации в период глобализации, для нашего исследования особенно важен, и ниже мы остановимся на нем подробнее.

Крайне противоречива и *социальная глобализация*.

Казалось бы, новейшие средства коммуникаций способствуют интеграции культур, растущая доля массовой культуры обуславливает все новые черты сходства людей. Современный мир в силу усилившихся интеграционных процессов становится во многих отношениях все более “похожим”, “глобальным”. Возникли такие понятия как “глобальное мышление”, “глобальная ответственность”. Но параллельно развиваются не менее значимые процессы социально-экономического, культурного, языкового расслоения общества, в том числе в территориальном разрезе. Различия цивилизаций под воздействием глобализации не уменьшаются (о чем свидетельствует хотя бы само возникновение гипотезы “столкновения цивилизаций” Хантингтона, идеи смены “железного занавеса” между Россией и Западом “бархатным” и пр.), хотя у них появляются и некоторые общие черты, вызванные все возрастающим распространением новых средств коммуникаций.

В докладе Группы высокого уровня ЕС (High-Level Advisory Group), инициированном Президентом Еврокомиссии Романо Проди и опубликованном в материалах Европейской комиссии в 2004 г., указывается, что процесс глобализации неоднозначен. Он

направлен как на развитие, так и на трансформацию составляющих территории общностей. Речь идет о том, что процесс распространения идентичности сопровождается процессом маргинализации. Сегодня говорят о новом этапе глобализации, усиливающей как никогда региональный компонент и требующей разработки новых парадигм³⁶. Как шаг в этом направлении ЕС разработана программа “Европа-2010”, в которой глобализация рассматривается в различных аспектах: территориальном, духовном, демографическом и др., и во многих случаях отмечаются ее негативные аспекты.

Однако, если сущность глобализации составляет интенсификация разнообразных связей в мировом политическом, экономическом, социальном пространстве, то неизбежно формирование узлов концентрации этих связей, с одной стороны, и периферии — с другой. И, наоборот, невозможна однородность мирового пространства.

Как пишет И. С. Семененко, “вывод об однозначном доминировании в глобализирующемся мире тенденции к росту культурного единства вряд ли правомерен. Формирование единого информационного пространства и универсализация потребительских стандартов не снимают проблемы поддержания “разнообразия” (как характеристики идентичности), а кажущаяся безвариантность глобализации по неолиберальному сценарию стимулирует поиск альтернатив”³⁷.

В пользу тезиса о том, что тенденции к глобальному культурному единству пока не являются доминирующими, И. С. Семененко приводит данные Европейского обследования ценностей, согласно которым “с миром в целом или с континентом отождествляют себя лишь 11 % жителей планеты”, (тогда как со страной — 29 %, а с городом или провинцией — 57 %) ³⁸.

Все более широко распространяется мнение, что внутри Европейского союза создается некий образ коллектива, который противопоставляется “другим”, которые также являются некими собирательными образами³⁹. В результате возникает и усиливается новая социальная дифференциация между Европейским союзом и “остальным миром”.

Наиболее широко принцип суверенности национальных государств был реализован с распадом колониальной системы. Вестфальская модель, благодаря политическому доминированию Запада, получила всемирное распространение. Правда, национальное государство осталось своего рода теоретически выделенным “идеальным типом”, от которого многие страны, особенно относящиеся

к “третьему миру”, отличаются кардинально (что отражает специальный термин “несостоявшиеся государства”). Тем не менее именно государства в течение длительного времени безраздельно господствовали на мировой политической арене.

Результатом возникновения и расширения транснациональных сетей производства, торговли и финансов становится “денационализация” экономики. Государства постепенно утрачивают контроль за экономическими процессами. Правительства трансформируются из главных институтов мирового порядка в институты посреднические, чья роль заключается, прежде всего, в обеспечении связей между все более укрепляющимися локальными, региональными и глобальными механизмами управления. По мнению гиперглобалистов⁴⁰, в результате глобальных процессов национальные государства как экономические и политические образования будут постепенно вытеснены новыми формами социальной организации.

Эти представления тесно смыкаются с геополитическими идеями так называемых “мондиалистов” (*mondialism*), оперирующих такими понятиями как *Конец Истории*, *Единый Мир (One World)* и *Новый Мировой Порядок (the New World Order)*. Мондиалистские доктрины предусматривают переход от множественности наций, государств и культур к униморфному миру, основанному на принципах либеральной демократии и рынка (вплоть до создания “мирового государства” и “мирового правительства”)⁴¹.

Существуют и другие взгляды на судьбу национальных государств. Так, например, А. Гидденс полагает, что и в условиях глобализации национальное государство не исчезает⁴². Он считает, что в обозримом будущем оно сохранит значительную часть своих административных, экономических и культурных функций как внутри страны, так и на внешней арене. Но в то же время будет увеличиваться вклад в государственное управление различных неправительственных объединений, деловых корпораций и других групп.

В то же время, “власть” ТНК и их наднациональный характер, наоборот, преувеличиваются. При всей мощи корпораций у государств, особенно действующих сообща, гораздо больше власти, и так будет продолжаться еще очень долго⁴³. В конце концов, именно государства контролируют территории, пишут законы и добиваются их выполнения (в том числе и от ТНК), могут в случае необходимости легально использовать насилие внутри страны и за рубежом. Всего этого транснациональные фирмы делать не могут.

Представление об антагонизме между миром ТНК и миром национальных государств преувеличено. Речь идет, скорее, о симби-

озе, когда национальные государства продвигают на зарубежные рынки “свои” ТНК, а ТНК, в свою очередь, выступают как инструменты распространения экономического, политического и социокультурного влияния “своих” стран. Глобализация не лишает национальные государства власти, а ведет к новому партнерству между сферами экономики и политики⁴⁴. Государства, несмотря на определенную трансформацию функций, будут еще долго оставаться важными мировыми акторами.

После окончания холодной войны закончилась и эпоха *биполярного* мира, когда в мире доминировали две сверхдержавы — США и СССР. Но что пришло ему на смену? Стал ли мир *монополярным* (*однополярным/однополюсным, униполярным*) или в нем все же выделяется несколько центров силы (*многополярный/многополюсный мир*)?

Монополярная модель мира характеризуется гегемонией первой и единственной мировой державы, Соединенных Штатов Америки (такой однополюсный мир во главе с США иногда называют Pax Americana). Америка пожинает плоды своего военного, экономического, технологического и культурного⁴⁵ доминирования. В мире широко распространено мнение о том, что США уже превратились или превращаются в “империю”, чьи претензии и интересы охватывают весь мир. Но это империя “нового типа”. “В отличие от прежних империй, эта обширная и сложная глобальная система не является иерархической пирамидой. Напротив, Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия”⁴⁶. Глобализационные процессы в этой модели мира тоже рассматриваются как процессы распространения на мир американского политического, экономического и социокультурного влияния — “мир не глобализируется, он американизируется”⁴⁷.

В то же время некоторые исследователи справедливо считают, что несмотря на доминирование в некоторых сферах (особенно в военной) Америка отнюдь не обладает мировой политической властью. Так, по мнению Джозефа С. Ная, мир напоминает трехмерную игру в шахматы, будучи однополярным лишь в военном измерении. Но и здесь США не могут обойтись без поддержки других государств, о чем свидетельствуют и Балканы, и Афганистан, и Ирак.

На экономическом же уровне мир многополярен. Здесь США ведут острую конкурентную борьбу с ЕС, Японией и, все более, с КНР. При этом положение Америки в мировой экономике в по-

следние годы по ряду позиций далеко не блестяще. Она теряет превосходство даже в тех высокотехнологичных секторах промышленности, где ее компании традиционно лидировали.

Третьим мировым измерением являются глобальные транзакции (от электронных финансовых переводов до трафика оружия террористическими организациями и наркотрафика), имеющие особое значение для США как для бесспорного лидера глобализации. Но здесь никто, в том числе и Америка, не обладает полным контролем⁴⁸.

Будущий многополярный мир будет состоять из конкурирующих между собой многочисленных центров силы, хотя это не будет возвратом к равновесию силовых систем подобно сложившемуся в Европе перед первой мировой войной.

Итак, возможно, единственным общим признаком глобализации является необычайное усложнение мира, как с точки зрения его функциональной структуры, так и в пространственном аспекте. По мнению И. А. Неклессы, с которым можно согласиться, “процесс, который происходит на планете, возможно, было бы правильнее охарактеризовать как “новый регионализм”: формирование макрорегиональных геоэкономических пространств (или “нового регионального миропорядка”) на фоне социального и экономического расслоения мира”. Он предлагает назвать ее “в русле модных теперь формулировок — «Глобализация-2»”⁴⁹. Происходит лишь унификация определенных правил игры, повсеместная информатизация, обеспечение прозрачности экономического пространства, установление мировой коммуникационной сети, развитие систем управления. А социально-экономической конвергенции с политическим и социальным единением глобального сообщества не наблюдается.

Регион в контексте глобализации. *Сеть* — понятие, ставшее символом глобализации, — по существу есть форма представления (формализации, визуализации) сложных систем. Теоретики глобализации и информационного общества склонны утверждать, что важность сетевого подхода в отличие от ранее существующих моделей (штандортов, комплексов и т. д.) заключается в том, что стали существенными *связи*. Другими словами, если раньше основным элементом анализа выступали узлы и ядра (элементы системы), то на сегодняшний день становится наиболее важным взаимосвязанность элементов с элементами других уровней. Как пишет Т. Фридмен, основной вопрос в эпоху глобализации: “в какой степени ты связан со всеми?”⁵⁰.

Следовательно, “регион” как экономический или институализированный район теряет свой смысл в информационной экономи-

ке, так как является пространственным образованием индустриального общества⁵¹. Действительно, не важно, где находится индивид физически, если в информационном поле он закреплен за своими информационными идентификаторами (номер сотового телефона, электронный адрес, электронный счет, домен и т. д.).

По сути, наблюдается картина, когда глобальная *сеть* как бы “натягивается” на существующую (сложившуюся к концу XX в.) систему мегаполисов. В этом смысле понятие “регион” не исчезает, а приводит к появлению *регионально-сетевой структуры* пространства, сгустки которого известны под названием *кластер*⁵². Примеры кластеров, начиная с Силиконовой долины, широко известны. Кластерами являются распространенные в Западной Европе индустриальные дистрикты.

Глобализация пока подтверждает экономическую *теорию неравновесного развития*, которая признает существование множества точек равновесия. Источником неравновесного развития, как отмечалось, представляются базисные инновации (“творческие разрушения”). Можно предположить, что методологически спор о равновесной или неравновесной *природе развития* решается следующим образом. Равновесие в открытой системе всегда нарушает или поддерживает система более высокого уровня. Превратившись в закрытую, *но продолжая развиваться*, система будет накапливать внутренние неравновесия (поляризоваться), которые заставят ее превратиться в открытую. Глобализацию можно рассматривать как постепенное превращение мирового порядка в очень сложную, но *закрытую* глобальную систему — закрытую в том смысле, что она не найдет систему более высокого уровня.

Для региона системой более высокого уровня являлось и является суверенное государство, для нескольких государств — коалиция (союз) государств. Для глобального мира системы более высокого уровня не просматривается. Значит, можно предположить, что внутри глобального и при этом развивающегося мира будет нарастать внутренняя поляризация.

Показателен в этом плане пример Советского Союза, который, по сути, представлял собой сложную закрытую систему (ведь “мировая система социализма” в действительности так и не сложилась — слишком разнородными были составлявшие ее элементы, и чересчур однонаправленными, не взаимными, связи между ними). Внутренние противоречия и неудачные попытки “выравнивания” различий между регионами привели СССР к распаду и, в конечном счете, включению в другую систему, рыночную (которая в результате стала из “мировой” — “всемирной”).

Другим примером является Европейский союз. Сходство экономических пространств различных входящих в него стран позволяет им образовывать *единое экономическое пространство*, внутри которого отсутствуют таможенные барьеры, действует общее хозяйственное законодательство и реализуется согласованная экономическая политика государств. (В этом же направлении сейчас пытается двигаться СНГ и, внутри него, страны Таможенного союза).

В странах ЕС регионы имеют значительную самостоятельность и могут проводить в рамках общих правил собственную экономическую политику (поскольку имеют значительные финансовые ресурсы и собственное региональное законодательство). Они объединяются с регионами соседних стран в так называемые *еврорегионы*, которые, как уже указывалось выше, в состоянии образовывать подпространства внутри экономического пространства ЕС.

Регионализация, таким образом, может рассматриваться, с одной стороны, как объективный процесс функционирования экономической системы более высокого ранга, с другой стороны, это — попытка разрешения противоречия внутри процесса глобализации. Закрытая, внутренне поляризующаяся глобальная система ищет выход из внутренних неравновесий, перенося их решение в системы более низкого уровня. Не случайно в Европейском союзе популярен лозунг “Европа регионов” — его реализация может смягчить противоречия, накапливающиеся внутри экономического пространства ЕС, не вынося их на более высокий, глобальный уровень.

Изучение одновременно протекающих процессов глобализации, с одной стороны, и регионализации (с ее крайним проявлением в виде локализации, т. е. иерархизации регионов до локального, местного уровня), привело к попытке сконструировать термин “глокализация”. Это “рост в обоих направлениях, “макро” и “микро”, глобализации и локализации; установление и развитие связей между глобальным и локальным”⁵³. Этот в достаточной мере парадоксальный процесс отражает усложнение окружающего мира и означает приобретение регионом принципиально новых черт, определяющих его превращение из управляемого объекта в саморазвивающийся субъект.

¹ См.: *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 66—67.

² *Hoover, Edgar M. and Giarratani, Frank.* An Introduction to Regional Economics. The Web book of regional science, Regional research Institute, West Virginia university // www.rri.wvu.edu/WebBook/Giarratani/chapternine.htm#9.1.

³ *Вайденфельд В., Вессельс В.* Европа от А до Я. Справочник европейской интеграции. Рига, 2000.

⁴ *Игнатов В. Г., Бутов В. И.* Регионоведение: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 1998. С. 18.

⁵ *Lars Ryden.* The Baltic Sea Region and the relevance of regional approaches // The Baltic Sea Region. Culture, Politics, Societies. Uppsala, 2002. P. 7.

⁶ *Andrew M. Isseman.* Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science // The Review of Regional Studies. Vol. 23. Summer 1993. P. 5—6.

⁷ *Баранский Н. Н.* Избранные труды. Научные принципы географии. М., 1980.

⁸ См.: *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение: Учебник. М., 2002. С. 5, 31.

⁹ См. напр.: *Regional and Local Powers in Europe. Employment, Social Policy, Environment, Transport and Vocational Training.* Brussels, 2002.

¹⁰ *Maciejewski Witold.* On the emergence of the Baltic Sea region and the reading of the book // The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies. Uppsala, 2002.

¹¹ *Brunat Eric.* Regional science and the concept of the region: introductory elements / Russia and Regional Development. Western theories and Russian Problematics. Grenoble, 1994. P. 17—28.

¹² *Бусыгина И.* Территориальный фактор в европейском сознании // Космополис. 2002/2003. № 2. С. 61.

¹³ *Markusen A.* Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishers, 1987.

¹⁴ *Keating M.* The new regionalism in Western Europe. Cheltenham, 1998. P. 5.

¹⁵ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 179.

¹⁶ *Bone Robert M.* The Regional Geography of Canada. Toronto, 2001.

¹⁷ Материалы “Круглого стола” “Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования” // www.kennan.yar.ru/materials/prefi2/part1/sect.

¹⁸ *Territorial Politics in Industrial Nations* / Ed. by Sidney Tarrow, Peter J. Katzenstein, Luigi Graziano. N. Y.; London, 1978. P. 98.

¹⁹ *Машибуц Я. Г.* Основы страноведения. М., 1995.

²⁰ *Daniel Lerner.* Some Comments on Center — Periphery Relations // Comparing Nations. The Use of Quantative Data in Cross — National Research / Ed. by Richard L. Merritt and Stein Rokkan. London, 1966.

²¹ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, власть и общество. М., 2000.

²² Материалы “Круглого стола”...

²³ *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Указ. соч. С. 27.

²⁴ Там же. С. 28.

²⁵ www.glossary.ru.

²⁶ *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрею Э., Перратон Д.* Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М., 2004.

²⁷ *Lubbers R., Koorevaar I.* Primary Globalisation, Secondary Globalisation and the Sustainable development paradigm — Opposing forces in the 21st Century. Expo 2000. OECD Forum for the future. 1999.

²⁸ www.glossary.ru.

²⁹ *Уткин А. И.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 35.

³⁰ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, власть и общество. М., 2000.

³¹ *Ding L., Lui X.* Growth Pole Theory and its Implications on the Evolution of Internet and Internet Industry in the United States. 2001.

³² *Кастельс М.* Указ. соч.

³³ *Гареев Т. Р.* Организационно-экономические аспекты формирования полюсов развития в регионе (на примере производственно-коммерческой зоны в Калининградской области): Дис... канд. экон. наук. Калининград, 2004.

³⁴ Там же.

³⁵ *Кругман П. Р., Обстфельд М.* Международная экономика: теория и политика. 5-е изд. СПб., 2004.

³⁶ Report by the High-Level Advisory Group established at the initiative of the President of the European Commission // Dialog between peoples and cultures in the Euro-Mediterranean area. Luxembourg, 2004.

³⁷ *Семенов И. С.* Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования. 2003; www.politstudies.ru/fulltext/2003/1/2.htm.

³⁸ Там же. Правда, можно сказать и так: “Уже 11 % жителей планеты отождествляют себя с миром в целом или с континентом”.

³⁹ *Banus E.* Introductory report. The European Union: a space for intercultural dialogue Intercultural dialogue // Dialogue intercultural. Brussels. 20 and 21 March. 2002. P. 188.

⁴⁰ Омае К. (Ohmae), Стрейндж С. (Strange), Луард Е. (Luard), Элбро М. (Albrow) и др.

⁴¹ Фукуяма Ф. (Fukuyama), Аттали Ж. (Attali) и др.

⁴² *Giddens A.* The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998. P. 32.

⁴³ *Idem.* Runaway world. How Globalization is Reshaping our Lives. Second Edition. N. Y., 2003. P. XXV.

⁴⁴ *Шремпи Ю.* 10 тезисов к вопросу о глобализации // www.voy.com/6788/305.html.

⁴⁵ Хотя, говоря об американской культуре, даже такой апологет США как Збигнев Бжезинский вынужден сделать примечательную оговорку — “несмотря на ее некоторую примитивность” (*Бжезинский З.* Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 36).

⁴⁶ *Бжезинский З.* Указ. соч. С. 40—41.

⁴⁷ *Sorrel M.* Naming a New Era: Branding the New Era // Foreign Policy. Summer 2000. P. 61.

⁴⁸ *Нье J.* Paradox of American Power. N. Y., 2002.

⁴⁹ Этос глобального мира. М., 1999; www.archipelag.ru/text/019.htm.

⁵⁰ *Фридмен Т.* Lexus и олива: понимая глобализацию. Пер. с англ. СПб., 2003. С. 30.

⁵¹ *Каганский В.* Регионализм, регионализация, пострегионализация // www.archipelag.ru/text/493.htm.

⁵² См.: *Портер М.* Международная конкуренция / Под ред. В. Д. Щетинина. М., 1993.

⁵³ Дар слова. Проективный лексикон Михаила Эпштейна. 15 января 2001 // veer.info/07/dar19.html.